

М. В. Биленко

О МОРДОВСКОЙ СЕМЬЕ XVII ВЕКА

Цель настоящей статьи — изучить семейный строй одного из крупнейших финно-угорских народов Среднего Поволжья — мордвы в XVII в. До настоящего времени этот вопрос практически не изучался, между тем без определения стадий развития семьи у того или иного народа в определенный период невозможно достаточно полно представить социально-экономическую жизнь его на разных этапах исторического развития.

В настоящей работе исследуется строй мордовской семьи на примере семей дворцовой мордвы (основной категории мордовского населения в XVII в.) Алатырского и Арзамасского уездов, т. е. мордвы-эрзи, жившей в междуречье рек Теши, Пьяны, Алатыря и Суры, большая часть территории которого была одним из районов древнейшего расселения мордвы. Изучение семьи в XVII в. именно у этой части мордовского населения Поволжья обусловлено наличием соответствующих источников. Это — «Книга переписи Семена Грибоедова 1696 года Алатырского уезда»¹ и «Писцовая книга бортничьих и мордовских деревень Арзамасского уезда писцов Василия Киреева и подьячего Григория Молчанова 1677 года»². Книги эти — основные источники для XVII в., дающие возможность судить о строе мордовской семьи, — содержат массовые данные только о мужском населении мордовских дворцовых поселений. Женское население в рассматриваемый период, за исключением вдов (жен бывших глав семей), не учитывалось.

Переписная книга Семена Грибоедова 1696 г. содержит сведения обо всем мужском населении каждого двора в мордовских дворцовых поселениях Алатырского уезда. При описании поселений писцы указывали этнический состав населявших его жителей («мордва», «пришлые русские»), что дало возможность при изучении материалов выделить только мордовские дворы. При учете мужского населения писцы всегда указывали возраст мальчиков и юношей — от двух недель до двадцати лет включительно. Возраст жителей старше двадцати лет обычно не указывался, лишь изредка мы встречаем двадцатидвух-, двадцатипяти- и тридцатилетних. Писцы детально отмечали родственные связи жителей каждого двора, как с главой семьи, так и между ее членами: братьями, сыновьями, племянниками и т. д., хотя степень родства — «родной» или «двоюродный» — ими, как правило, не уточнялась, так что о более отдаленной степени родства (мы считали ее «двоюродной», хотя она могла быть и сложнее. — М. Б.) между братьями приходится судить на основании отчих имен, степень же родственных уз между племянниками и дядьями определить не представляется возможным. Перепись Семена

¹ Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики (МНИИЯЛИЭ). Рукописный фонд, И-878.

² Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 396, оп. 2, ч. 5, д. 3562.

Грибоедова содержит также указание на семейное положение части мужского населения («женат», «вдов»). Принцип учета женатых не совсем ясен, ибо, как вытекает из материала источника, термин «женатый» сопутствовал, по-видимому, далеко не всем действительно женатым членам семьи. Кроме того, возрастной показатель мужского населения старше двадцати лет, очевидно, приводился только тогда, когда тот или иной мужчина не был женат. Поэтому мужчины, не имевшие указания на возраст, вне зависимости от того, были ли они членами семьи или числились во дворе одиночками, относятся нами к женатым. В изучаемой переписи отмечены также полностью или частично нетрудоспособные мужчины («слеп», «дряхл», «без руки»).

Мордовское население соседнего Арзамасского уезда во дворах дворцовых мордовских поселений было описано Василием Киреевым в 1677 г. почти по такому же принципу. Разграничение дворов «мордвы», «бортников» и «пришлых людей» и тут позволило выделить дворы только с мордовским населением. Здесь, как и в переписи Семена Грибоедова, в каждом дворе было учтено все мужское население. Но запись о родственных связях внутри двора в переписи Василия Киреева более полна, так как указывается и степень родства: «родной» или «двоюродный». По переписи 1677 г. у мордвы встречаются и такие дворы, где наряду с родственным коллективом жили и посторонние (русские и мордва) — «бобыли» и «захребетники» или просто «русские крестьяне», по всей видимости, беглые. Перепись Василия Киреева указаний на семейное положение тягловых не содержит. Видно, и здесь выборка по возрастному показателю мужского населения старше двадцати лет производилась в основном тогда, когда эти лица мужского пола не были женаты. Поэтому лиц, не имеющих данных о возрасте, с детьми или без детей, как одиночек, так и членов семьи, мы при обработке источника отмечали как женатых, возможно, имевших детей лишь женского пола. Следует заметить, что из-за отсутствия сведений в источниках о женской части населения мордовских дворов, а также из-за неизбежности некоторых логических допущений в настоящем исследовании, конечно, имеется доля условности, хотя массовый материал исследуемых переписей в целом достаточно ясно отражает характерные черты семейного строя мордвы-эрзи того времени.

Изучение состава, родственных связей и численности мужского населения каждого двора дворцовой мордвы Алатырского и Арзамасского уездов³ показало, что в последней четверти XVII в. мордва-эрзя могла проживать во дворах как индивидуальной семьей, малой, состоявшей из одной брачной пары с детьми (сыновьями) или без детей, иногда с иными родственниками, так и сложным родственным коллективом средней численности, состоявшим из совместно живущих с главой семьи групп родственников по прямым либо боковым, а также прямым, нисходящим, линиям, с несколькими брачными парами, т. е. неразделенной семьей (см. табл. 1)⁴.

Количеством дворы с различными формами семьи в поселениях дворцовой мордвы изучаемых уездов распределялись неравномерно. В Алатырском уезде треть поселений составили деревни, где во дворах имелись только неразделенные семьи. Среди остальных поселений дворы с неразделенными семьями относились к дворам с малыми семьями чаще всего как 1 к 0,2.

³ В Алатырском уезде по переписи Семена Грибоедова 1696 г. в 91-м дворцовом мордовском поселении числилось 1907 мордовских жилых дворов (МНИИЯЛИЭ. Рукописный фонд, И-878). В Арзамасском — по писцовой книге Василия Киреева 1677 г. в 56 аналогичных поселениях насчитывалось 1619 мордовских дворов (ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 5, д. 3562).

⁴ В данной работе нами использован принцип обработки сведений переписей, примененный В. А. Александровым. (См. В. А. Александров. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. — «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 87, М., 1964).

Структура семей во дворах у мордовского дворцового населения Алатырского
и Арзамасского уездов по переписям последней четверти XVII в.

Состав семьи	По переписной книге Алатырского уезда Семена Грибоедова 1696 г.	По писцовой книге Арзамас- ского уезда Васи- лия Киреева 1677 г.
	дворов	дворов
1	2	3
Малые семьи		
а) Супруги без детей	11	430
б) Супруги с детьми		
малолетними или холостыми, в ряде случаев с внуками (малолетними, холостыми)	72	432
в) Супруги с холостыми племянниками		
или малолетними	22	28
и малолетними или холостыми сыновьями	36	20
г) Супруги с братьями		
женатый глава семьи с малолетними и холостыми братьями, а иногда с малолетними и холостыми сы- новьями	15	73
женатый глава семьи с малолетними или холостыми (или теми и другими) братьями, малолетними или хо- лостыми племянниками и малолетними сыновьями	2	—
д) Супруги с неженатым шурином	—	1
е) Вдовы с детьми		
женатым сыном, (иногда и малолетними, а также хо- лостыми сыновьями или приемышами), в ряде случаев с внуками (малолетними, холостыми или женатым) и с правнуком (малолетним)	28	3
ж) Вдовы с племянниками		
с женатым племянником, в ряде случаев имевшие наряду с женатым, малолетних и холостых племянни- ков	17	—
с женатым племянником и малолетними, холостыми сыновьями и племянниками или приемышами и детьми племянников (малолетними или холостыми)	23	—
з) Вдовы		
с женатым деверем, иногда и его малолетним братом, либо с родным братом	4	1
Неразделенные семьи		
а) Отцовские семьи *		
супруги с женатыми детьми или приемышами (иногда и с малолетними или холостыми сыновьями, приемышами)	205	125
супруги с женатыми (в ряде случаев и с малолетними или холостыми) сыновьями, приемышами, иногда с зятем, внуками (с — малолетними, женатыми), правнуками (малолетними)	177	67
супруги с зятем либо тестем (женатым)	—	3
б) Братские семьи *		
несколько родных или двоюродных (родных и двою- родных) женатых братьев (в ряде случаев женатых и холостых, а также малолетних)	176	63
несколько родных или двоюродных (родных и двоюрод- ных) женатых братьев с малолетними, холостыми, же- натыми детьми (зятьями, приемышами) у каждого либо у части из них, иногда с внуками (малолетними)	681	109

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3
<i>б) Братские семьи *</i>		
несколько родных или двоюродных (родных и двоюродных) женатых (в ряде случаев и холостых) братьев с сыновьями и племянниками (малолетними, холостыми, женатыми) либо только с племянниками	95	13
несколько родных (двоюродных) женатых братьев с сыновьями (чаще малолетними и холостыми, иногда женатыми) и племянниками (малолетними, холостыми, женатыми), либо только с племянниками, а также с малолетними детьми племянников, в ряде случаев с внуками или правнуками (малолетними, женатыми) от не живущих с ними сыновей	81	1
<i>в) Варианты братских семей *</i>		
супруги с женатыми (в ряде случаев и малолетними либо холостыми) сыновьями и племянниками женатыми (холостыми, малолетними)	102	12
супруги с женатыми (в ряде случаев и малолетними, холостыми) племянниками (приемышами), с детьми племянников (малолетними, холостыми, женатыми) и иногда с внуками (малолетними) от отсутствующих сыновей	55	27
супруги с неженатыми, либо женатыми и малолетними сыновьями (приемышами), племянниками (женатыми, холостыми, малолетними), малолетними детьми племянников (внуками, правнуками)	97	14
<i>Прочие</i>		
Вдовы с детьми (племянниками) либо без них	8	197
Итого:	1907	1619

* В данные рубрики отнесены и семьи вдов в тех случаях, когда структура семьи подходит под это определение.

В Арзамасском уезде наблюдается иная картина. Наиболее распространенным здесь соотношением аналогичных дворов было 1 к 3. Некоторые деревни (Отемасово, Комодеево-Погиблово) полностью либо почти полностью (Ромашки, Новые Иванцово-Семенова, Кечексанова, Офтодеева) состояли из дворов с малыми семьями. Если же рассматривать формы семьи у мордвы-эрзи в целом по двум уездам, то выявляется, что во дворах у дворцового мордовского населения Алатырского уезда в конце XVII в. господствующей формой была неразделенная семья (87,5% — 1669 из 1907 дворов), в Арзамасском — малая семья (61,0% — 988 из 1619 дворов). Остальную, довольно незначительную часть дворов (205), в поселениях обоих уездов населяли вдовы с несовершеннолетними сыновьями (племянниками) либо, что прослеживается по Арзамасскому уезду, одинокие, точнее без сыновей.

Материалы табл. 1 позволяют рассмотреть структуру как малых, так и неразделенных семей. Малые семьи у дворцовой мордвы Алатырского уезда в конце XVII в. по большей части состояли из супружеской пары с малолетними детьми (24,3% — 56 дворов) либо с детьми (малолетними, взрослыми) и взрослыми племянниками (15,6% — 36 дворов). У дворцовой мордвы Арзамасского — из супружеской пары без детей (сыновей) либо с малолетними сыновьями (76,5% — 756 дворов). В ряде случаев, в Алатырском уезде в 17 дворах (7,4%), в Арзамасском в 73 дворах (7,4%), с женатым братом проживали малолетние, а иногда взрослые родные и двоюродные братья. Как показал анализ состава двора с малой семьей, часть таких дворов образовалась за счет неразделенных семей, потерявших главу семьи, т. е. вдових. В Алатырском уезде дво-

ры с такой семьей составили 31,3% (72 двора), в Арзамасском — 0,4% (4 двора). Двор с малой семьей обычно возглавлялся отцом, хотя иногда среди глав семей были деды, братья, дяди, вдовы.

Среди дворов с неразделенными семьями можно выделить три группы.

Дворы с семьями, выделенными нами в первую, «отцовскую», группу составили 22,9% (382 двора) в Алатырском уезде и 44,9% (195 дворов) в Арзамасском. При этом дворы с «отцовскими» семьями, связанными только прямым нисходящим родством, от числа всех дворов с неразделенными семьями составили 21,9% (366 дворов) в Алатырском и 44,2% (192 двора) в Арзамасском уезде. Наиболее распространенными в обоих уездах были три типа таких семей: 1) супруги с женатыми сыновьями (чаще всего одним); 2) супруги с женатыми, а также с холостыми и малолетними сыновьями; 3) супруги с женатыми (в ряде случаев имевшие наряду с женатыми и малолетних, а также взрослых сыновей) сыновьями и внуками (малолетними). Такие семьи возглавлялись обычно отцами, реже дедами, еще реже прадедами и состояли из двух либо трех, в единичных случаях — четырех поколений.

Ко второй и третьей группе мы отнесли дворы с неразделенными семьями более сложной структуры — с нисходящим прямым и боковым либо только боковым родством.

Во вторую группу нами были выделены дворы с «братскими» семьями, состоявшими из совместно живущих родных (двоюродных) братьев. Доля дворов с такими семьями в Алатырском уезде составила более половины всех дворов с неразделенными семьями (61,9% — 1033 двора), а в Арзамасском — около половины (42,9% — 186 дворов). Основные типы таких семей у мордвы Алатырского уезда: 1) женатые родные и двоюродные братья (обычно двое-трое, реже четверо-пятеро) с малолетними (взрослыми) детьми у части из них; 2) родные, двоюродные женатые братья. У мордвы Арзамасского уезда: 1) женатые родные братья (обычно двое, реже трое) с малолетними (взрослыми) детьми у части из них; 2) родные женатые братья. В Алатырском уезде в «братских» семьях нередко встречались и племянники (17,0% — 176 дворов), малолетние, взрослые, с семьями. Внуки встречались в «братских» семьях нечасто (примерно в десятой части дворов с «братскими» семьями в Алатырском уезде и в тридцать третьей части — в Арзамасском). Обычно внуки были малолетние, женатые упоминаются крайне редко. В Арзамасском уезде исключение составила «братская» семья Надежки Пиргушева из дер. Старого Макателема, в которой вместе с Надежкой, его родным братом и племянником с малолетними сыновьями проживали и два его родных женатых внука⁵. Правнук в «братской» семье писцами был отмечен в одном случае — во дворе нищего Путилки Сайгунова из дер. Баевы-Дюркино Алатырского уезда («двор: Путилка Сайгунов — нищ, у него внук, Секштанка Живаев, у Секштанки сын, Лафатка трех лет, да брат Рузанка Алексеев, у него же племянники, Сичайка пятнадцати лет, Гришка тринадцати лет, Айтуганка осьми лет Кечаскины дети»⁶). Во главе двора с «братской» семьей, как правило, стоял один из женатых братьев. Однако после его смерти возглавлять семью мог и один из его сыновей, а брат бывшего главы, дядя теперешнего главы семьи, жил в ней на правах обычного ее члена⁷ (например, семья Ломачки Начарова из дер. Великого Врага Арзамасского уезда).

В третью группу, названную нами «варианты братских семей» (табл. 1), вошло в Алатырском уезде 254 двора (15,2%), а в Арзамасском — 53 двора (12,2%). Основной тип таких семей у мордвы Алатырского уезда составили супруги с женатыми сыновьями и женатыми пле-

⁵ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 5, д. 3562, л. 38.

⁶ МНИИЯЛИЭ. Рукописный фонд. И-878, л. 95.

⁷ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 5, д. 3652, л. 409 об.

мянниками (в ряде случаев и малолетними или холостыми сыновьями и племянниками), а у мордвы Арзамасского уезда — супруги с женатыми племянниками (в ряде случаев имевшие наряду с женатыми и малолетних, а также взрослых племянников). Во главе дворов с семьями данной группы могли стоять как оставшийся в живых брат (отец, дед, дядя), так, возможно, и вдова⁸.

Наряду с родственниками по мужской линии во дворах как с неразделенной, так и с малой семьей встречаются родственники (свойственники) и по женской линии. Это — зятья⁹, шурины¹⁰, тесть¹¹. Видимо, в силу определенных обстоятельств, возможно, экономических, в одних случаях семья жены принимала к себе во двор зятьев, в других — в семью мужа переходили родственники невестки, ее братья, иногда отец (если только в этом дворе зять не являлся главой семьи вместо тестя).

В ряде мордовских дворов, как с неразделенными, так и с малыми семьями, в Алатырском и Арзамасском уездах жили и так называемые «приемыши». Наличие их в семьях наиболее характерно для Алатырского уезда (105 случаев), в частности, для вдовьих дворов (39 случаев), где встречались по два, а то и по три приемаша, обычно с семьями. В Арзамасском уезде приемаши во дворах встречались значительно реже (6 случаев). Как видно, в этот период их могли и усыновлять (Василием Киреевым при описании Арзамасского уезда в дер. Новом Макателеме во дворе Осташки Лукашова был отмечен «сын-приемыш Дружинка Лаврентьев»)¹².

Из переписной книги Семена Грибоедова (1696 г.) видно, что для районов новой колонизации Алатырского уезда были характерны более сложные по форме, родственному составу и числу поколений семьи, чем для района древнейшего расселения мордвы. Так, в районах интенсивной мордовской колонизации¹³ (ставших сравнительно безопасными в результате создания правительством в XVI—XVII вв. засечных линий, в частности Арзамасско-Алатырской и Симбирской) в центральной и юго-восточной частях уезда (в Арзамасском уезде районов новой колонизации в XVII в. не было) доля дворов с неразделенными семьями достигла в Верхалатырском стане 87,9% (668 дворов), в Верхосурском — 93,1% (633 двора), в Низсурско-Чукальском (районе древнейшего заселения) — 78,8% (368 дворов). Случаи совместного проживания братьев (неразделенные или малые семьи) здесь встречались несколько чаще (в Верхалатырском — 53,4% — 406 дворов, Верхосурском — 60,7% — 413 дворов), чем в районе древнейшего заселения (49,5% — 231 двор), а число братьев во дворе было больше. То же можно отметить и в отношении проживающих во дворе племянников: в Верхалатырском стане такие дворы составили 27,6% (210 дворов), в Верхосурском — 30,6% (208 дворов), в Низсурско-Чукальском — 24,0% (112 дворов). Для неразделенных семей этих районов характерно было и большее число поколений: 4/5 семей с внуками приходилось на районы новой колонизации. Таким образом, состав семей, как неразделенных, так и малых, в районе древнейшего расселения Алатырского уезда был, как правило, более простым. Исключение составили лишь мордовские дворы в дер. Алтышевой, приписанной

⁸ Например, вдова Позгайка в деревне Лунга Алатырского уезда, структура семьи которой предполагает ее главенство («двор: вдова Позгайка Буянова дочь Суворкина жена Чапкунова, у нее приемаши Ефремка да Офтаска Кочаевы, у Ефремки сын Штумка пяти лет, да племянник Кштанка Евсеев семи лет») (МНИИЯЛИЭ. Рукописный фонд, И-878, л. 213 об.).

⁹ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 5, д. 3562, лл. 77 об., 230; МНИИЯЛИЭ, Рукописный фонд, И-878, лл. 58 об., 59, 72, 124.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 5, д. 3562, л. 309.

¹¹ Там же, л. 230.

¹² Там же, л. 30.

¹³ См.: М. В. Билечко. Писцовая книга Дмитрия Пушечникова как исторический источник. — «Сов. архивы». М., 1977, № 1, с. 61.

к «Приказу хлебных заводов» только в середине XVII в., а до того времени находившейся в ведении «Осадного приказа»¹⁴, сплошь состоявшие из неразделенных, в подавляющем большинстве «братских» семей, как правило, с тремя, четырьмя (в одном случае и с шестью) женатыми братьями, с родством по прямым и боковым линиям и высокой плотностью двора — в среднем восемь мужчин на двор.

Итак, изучение родственного состава неразделенных и малых семей Арзамасского и Алатырского уездов показало, что в последнем дворы с более сложным родственным составом семьи встречались несколько чаще, особенно в районах позднейшего расселения. Наличие «братских» семей, состоявших из совместно живущих не только родных, но и двоюродных братьев, (последние составляли в Арзамасском уезде — 8,1% — 15 дворов, в Алатырском — 41,7% — 431 двор), оставшихся жить и вести хозяйство после смерти своих отцов совместно, а также проживание в части неразделенных семей племянников (в Арзамасском — 15,4% — 67 дворов, в Алатырском уезде — 25,8% — 430 дворов), причем не только малолетних, но и женатых, нередко со взрослыми сыновьями, также не отделившихся от своих дядьев, свидетельствует о том, что мордва-эрзя в этот период стремилась жить и вести хозяйство совместными усилиями целого родственного коллектива, что диктовалось состоянием экономики мордвы в XVII в.

Материалы переписей также позволяют утверждать, что для мордвы Алатырского уезда в конце XVII в. был характерен не только более сложный родственный состав семей, но и более высокая численность. Так, число лиц мужского пола в Алатырском уезде во дворах с неразделенной семьей колебалось от 2 до 14 в одном дворе, с малой — от 1 до 9 человек; в Арзамасском уезде соответственно — от 2 до 9, и от 1 до 8 человек, хотя в единичных случаях и в Арзамасском уезде (деревни Алемаева, Серякоши-Ризадеево и Старый Макателем) число лиц мужского пола во дворах с неразделенной семьей достигало 11 и 14 человек.

Таблица 2
Количество мужского населения во дворах с неразделенной семьей

В одном дворе мужчин	Алатырский уезд (по переписи 1696 г.)		Арзамасский уезд (по писцовой книге 1677 г.)	
	дворов	% к итогу	дворов	% к итогу
2—3	647	38,8	302	69,6
4—5	582	34,9	104	24,0
6—7	274	16,4	22	5,0
8—9	114	6,8	3	0,7
10 и выше (до 14)	52	3,1	3	0,7
Итого	1669	100,0	434	100,0

Материалы табл. 2 показывают, что в конце XVII в. у мордвы как Алатырского, так и Арзамасского уездов среди дворов с неразделенными семьями преобладали дворы, имевшие среднюю населенность. Считая, согласно общепринятым нормам статистики, число женщин равным числу мужчин¹⁵, получаем, что дворы с неразделенными семьями численностью до 10 (включительно) человек обоего пола составили в Алатырском уезде 73,7% (1229 дворов), в Арзамасском — 93,6% (406 дворов). Дворы с неразделенными семьями, в которых было более 10 человек обоего пола (предел численности такой семьи — 28 человек) в Алатыр-

¹⁴ Дворец книги в г. Ульяновске. Рукописный фонд, № 180.

¹⁵ См. Б. Ц. Урланис. Рост. населения в Европе. М., 1941, с. 181—182.

ском уезде были довольно редки, а в Арзамасском встречались лишь как исключение.

Особенно наглядно различие в населенности мордовских дворов с неразделенными, с одной стороны, и малыми семьями — с другой, видно из показателей средней населенности двора: на один двор с неразделенной семьей в Алатырском уезде в среднем приходилось 4,5 мужчины, с малой — 2,5 мужчины, в Арзамасском соответственно по 3,2 и по 1,9 мужчины. Следует отметить, что в районах колонизации Алатырского уезда (Верхалатырский и Верхосурский станы) средняя населенность мордовского двора была выше, чем в районе древнейшего заселения (Низсурско-Чукальский стан); в первом стане в среднем на двор приходилось 4,3 мужчины, во втором — 5,2 мужчины, в третьем — 2,9 мужчины.

Наши источники, в силу специфики описания отметившие возраст мужского мордовского населения изучаемых уездов в основном только до 20 лет, не позволяют учесть число работников в семье, так как неработоспособных стариков нельзя отделить от мужчин старше 20 лет. Мы можем лишь констатировать, что число мужчин старше 15 лет колебалось в момент описания: во дворах с неразделенной семьей в Алатырском уезде от двух до восьми человек (всего по уезду 4765 человек, т. е. 63% от общего числа мужчин в неразделенных семьях), а во дворах с малой семьей — от одного до трех человек (всего 278 человек, т. е. 48,4%),

В Арзамасском уезде соответственно во дворах с неразделенной семьей проживало от двух до шести мужчин старше 15 лет (всего по уезду 1055 человек, т. е. 74,6%); во дворах с малой семьей — от одного до трех (всего по уезду 1146 человек, т. е. 62,1%). Количество работников было несколько выше во дворах мордвы Алатырского уезда. Здесь на двор с неразделенной семьей в среднем приходилось 2,8 мужчины старше 15 лет, с малой — 1,2, в Арзамасском уезде соответственно — 2,4 и 1,1 мужчины.

Данные переписи Семена Грибоедова позволяют отметить, что мордовские семьи в районах позднейшего расселения в Алатырском уезде, отличавшемся более сложным семейным составом и более высокой численностью, располагали и большим числом рабочих рук во дворе (в Верхалатырском стане — 2,6 человека на двор; в Верхосурском — 3,0 человека, в Низсурско-Чукальском — 2,2 человека).

Сравнительно небольшой численный состав неразделенных и особенно малых семей в XVII в. не всегда позволял обходиться в хозяйстве собственными силами. Нехватку рабочих рук в семьях переписи констатируют на протяжении всего XVII в. В 20-х годах XVII в. в Алатырском уезде главы, видимо, наиболее зажиточных семей (Колас Тарханов из дер. Тархановой, Малуш Учаев из дер. Атяшевой) пытались разрешить этот вопрос за счет покупки рабочей силы — пленных «немчинов»¹⁶. В Арзамасском же уезде, где активнее развивался процесс имущественной дифференциации, недостаток рабочей силы восполнялся как за счет приобретения рабочей силы (в дер. Тюгелеве имелся двор «Фетки Латыша Аламаевского отпущеника»¹⁷), так и путем принятия во двор беглых русских крестьян, мордовских и русских «бобылей» и «захребетников» (например, в дер. Кечексанова-Череватово — «двор: Кежеватко Козанчеев, у него живет захребетник Сулдяско Ермушев»¹⁸, в дер. Серякоши-Ризадево — «двор: Сулдяско Тобаев, у него живет русской человек Еремка Кашинец»¹⁹; «двор: бобыль Пашатко Тотушов, а у него русской человек живет, Терешко Арземасец, кормится черною рабо-

¹⁶ Например, дер. Тарханова — «двор: Колас Тарханов да купленной немчин Мишка Яковлев»; дер. Атяшева — «двор: Малуш Учаев да у него ж во дворе немчин Чюраско» (ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 5, л. 3535, лл. 20, 26).

¹⁷ Государственный архив Горьковской области, ф. 2013, оп. 1, д. 8, л. 191.

¹⁸ Там же, л. 90.

¹⁹ Там же, л. 96.

тою»²⁰). В 70-х годах XVII в. в Алатырском уезде проблема рабочей силы разрешалась у ряда дворохозяев, видимо, в основном за счет принятия на двор приемышей (то, что на них смотрели как на рабочую силу особенно ясно видно из наличия их во вдовьих дворах), а в Арзамасском — за счет приемышей²¹ и бобылей, живших в деревнях Тюгелево-Костянка и Вечкисево-Тюгелево²².

Переписи Семена Грибоедова и Василия Киреева позволяют рассмотреть структуру неразделенных мордовских семей также и по числу супружеских пар и детей (сыновей) у каждой из них.

Таблица 3

Число брачных пар во дворах с неразделенной семьей
в Арзамасском и Алатырском уездах

Число брачных пар	Алатырский уезд (по переписи 1696 г.)		Арзамасский уезд (по писцовой книге 1677 г.)	
	дворов	% к итогу	дворов	% к итогу
2	859	51,5	318	73,3
3	491	29,4	84	19,3
4	226	13,5	22	5,1
5	62	3,7	6	1,4
6	28	1,7	3	0,7
7	2	0,1	1	0,2
8	1	0,1	—	—
Итого	1669	100,0	434	100,0

Данные табл. 3 показывают, что наиболее типичными для неразделенных семей как в Алатырском, так и в Арзамасском уездах были семьи с двумя брачными парами. По Алатырскому уезду они составили половину (51,5% — 859 дворов) от общего числа дворов с неразделенной семьей, по Арзамасскому — три четверти дворов (73,3% — 318 дворов). В целом же число брачных пар в одном дворе у мордвы Алатырского уезда (в среднем по 2,7 брачных пары), было несколько выше, чем в Арзамасском уезде (в среднем по 2,4 брачных пары). При этом в районах новой колонизации Алатырского уезда число брачных пар в одном дворе с неразделенной семьей было несколько выше, чем в районе древнейшего расселения (в Верхалатырском стане в среднем на двор приходилось 2,7 брачных пары, в Верхосурском — 3, а в Низсурско-Чукальском стане — 2,4 брачных пары).

Возраст вступления в брак мужского населения у мордвы Алатырского и Арзамасского уездов в последней четверти XVII в. был неодинаков. В Алатырском уезде среди двадцатилетних (196 человек) писцы не отметили ни одного, кто был бы женат или имел детей, тогда как в Арзамасском уезде случаи вступления в брак двадцатилетних, правда, очень редко, но встречались (из 140 человек у двух были малолетние сыновья, что составило с учетом возможности наличия девочек — 2,8%). В этом же уезде отмечен писцами случай вступления в брак малолетнего. Так, в дер. Тюгелеве-Костянке во дворе Бектяйки Тансарова, имевшего трех малолетних сыновей, у старшего, тринадцатилетнего Первушки, был «сын Ивашко — десять недель»²³. Как видно, проблема рабочей силы в хозяйстве у части мордвы Арзамасского уезда (которая у дворцовой мордвы Алатырского уезда в XVII в. не выступала еще столь на-

²⁰ Государственный архив Горьковской обл., ф. 2013, оп. 1, д. 8, л. 96 об.

²¹ Иной принцип учета мордовского дворцового населения Алатырского и Арзамасского уездов в переписях 20-х годов XVII в., нежели в переписях последней четверти XVII в., не позволяет проследить наличие «приемышей» во дворах у мордвы в 20-х годах и соответственно говорить о них как об одной из категорий рабочей силы.

²² ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 5, д. 3562, лл. 416, 422 об.

²³ Там же, л. 416 об.

стоятельно) побуждала глав семей с целью приобретения лишних рабочих рук в хозяйстве женить сыновей в раннем, иногда даже детском возрасте. Вместе с тем наличие в ряде семей неженатых двадцатипятилетних и тридцатилетних членов семьи (племянников, братьев, сыновей) как в Арзамасском уезде, так и в одном из районов новой колонизации Алатырского уезда, Верхалатырском стане, свидетельствует о том, что иногда главы семей не торопились женить взрослых членов семьи. В одних случаях, очевидно, по болезни («дряхл»), в других — с целью сохранения рабочих рук в хозяйстве, что было, видимо, ответным действием на налоговую политику дворцового ведомства, которое, как следует из наказа 1619 г. из Новгородской чети писцам Арзамасского уезда, Федору Сычсесеву и Исаку Парфеньеву, в целях повышения доходности («жил бы всяк на пашне и в тягле») с мордовских дворцовых земель, требовало «розсаживати на пустые выти», ту мордву и бортников, которых «на живущих вытях живет... на одной выти человек по пяти... а... животом... прожиточны и семьянисты», либо ту, «у которых дети и братья и племянники и подсосудники живут с ними в одних дворах, а пашню пашут и всякими промыслами промышляют опричь отцов своих и братьи и дядь, а государевых никаких податей не платят»²⁴.

В мордовской среде нередко заключались и повторные браки, о чем свидетельствует наличие во дворах как с неразделенной, так и с малой семей «пасынков» и «сведенных братьев» (в Алатырском уезде 49 случаев, в Арзамасском — 28).

Число детей у супругов попытаемся определить, исходя из наличия детей у супружеских пар, возглавлявших семьи, последнее в большинстве случаев свидетельствует о давности их брака. Подсчеты, проведенные по переписной книге Семена Грибоедова 1696 г., показали, что в Алатырском уезде у 1321 супружеской пары, возглавлявших семьи, имелись 2289 сыновей; в Арзамасском, по данным писцовой книги Василия Киреева 1677 г., у 754 аналогичных супружеских пар насчитывалось 1134 сына. В этот период в Алатырском уезде половина супружеских пар, возглавлявших семьи (53,7% — 710 пар) имела по одному сыну, чуть более четверти — по два (27,9% — 369 пар), три сына были лишь у десятой части супружеских пар (12,3% — 162 пары), четыре и выше (до восьми) у 6,1% — 80 пар. Приблизительно то же соотношение наблюдается у мордвы Арзамасского уезда, где более половины супружеских пар — 66,6% (502 пары) имели одного сына, пятая часть — 21,9% (165 пар) — двух, 7,8% (59 пар) — трех, 3,7% (28 пар) — четырех и больше (до семи).

Эти расчеты показывают, что одна брачная пара, даже возглавлявшая семью, судя по переписям, имела обычно небольшое число детей (в среднем одного, двух сыновей, а считая с дочерьми, от двух до четырех детей). Однако мы имеем основания полагать, что детей у супружеской мордовской пары в конце XVII в. было больше. Это можно подтвердить следующими соображениями. Распределение детей по возрастному составу у супружеских пар, возглавлявших семьи, показало, что такая супружеская пара могла иметь детей различного возраста: малолетних, взрослых, в том числе женатых. И только те пары, (а таких было крайне мало: в Алатырском уезде 22 пары — 1,7%, в Арзамасском — 5 пар — 0,7%), у которых были сыновья всех возрастов — в среднем имели четверо детей мужского пола (в Алатырском уезде — 4,0, в Арзамасском — 4,4). Эти данные заставляют предполагать, что у мордвы-эрзи практиковался выдел части сыновей. В семье оставалась и, следовательно, фиксировалась писцами только часть детей. В этот период выдел у мордвы части детей из семьи, по всей видимости, был тесно

²⁴ Акты писцового дела (Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве), т. 1, М., 1913, с. 151.

связан с проводимой дворцовым ведомством политикой увеличения числа тяглов на мордовских дворцовых землях путем «розсаживания» членов семьи. Источники по Алатырскому уезду неоднократно отмечали образование новых мордовских дворов в уезде как результат выдела части населения из двора, в том числе и сыновей. Так, «Книга переписи Семена Грибоедова 1696 г.» примерно за 10 лет (со времени не дошедшей до наших дней переписи Василия Путятина 1687/88 г., послужившей приправочной книгой Семену Грибоедову в 1696 г.) отметила 334 «прибылых» мордовских дворцовых двора, указав отделившихся родственников: «и мордва в скасках написали, что те прибылые дворы отделились от отцов дети, от дядев племянники, от братьев братья после переписи князь Василя Путятина»²⁵. Следует отметить, что в этот период выдел населения из мордовских дворов не сопровождался делением пашенных и других угодий между выделившимися и оставшимися членами семей («и живут на тех же отцовских и на дядинских жеребях,— отмечал Семен Грибоедов,— и пашнею и санными покосы и всякими угоди владеют из их же доль») ²⁶ и фактически раздела хозяйства не означал. Случаи выдела части населения из дворов прослеживаются у дворцовой мордвы Алатырского уезда и по более раннему источнику — переписи Ивана Путятина 1670/71 г. «Отделился и живет себе двором», констатирует этот источник сорок пять случаев выдела братьев, племянников, внуков, приемышей и пасынков²⁷, считая однако эти новообразованные дворы за одно целое с выделившими их дворами.

Процесс выделения членов семьи из дворов у мордвы изучаемых районов Поволжья проходил неодинаково.

Меньшее число женатых сыновей, как и общее число детей мужского пола у супружеских пар в древнейшем районе заселения Алатырского уезда (в Низсурско-Чукальском стане — 1,2 человека), по сравнению с районами позднейшего заселения (в Верхалатырском стане — 1,8 человека, в Верхосурском — 1,9 человека), свидетельствует в пользу более интенсивного выдела детей именно у мордвы Низсурско-Чукальского стана. В пользу более энергично проводившейся политики «розсаживания» в «тягло» мордвы Арзамасского уезда свидетельствует не только меньшая доля здесь супружеских пар, с которыми жили женатые сыновья, вне зависимости от того, были ли у этих пар еще и младшие дети (220 пар — 29,2% у мордвы Арзамасского уезда; 597 пар — 45,2% у мордвы Алатырского уезда от числа всех супружеских пар, возглавлявших семьи с детьми), и меньшее число женатых сыновей у одной такой пары (в Арзамасском уезде — предел трое; в Алатырском — пятеро), но и более интенсивный рост числа дворов в мордовских поселениях на протяжении XVII в.²⁸ Причина этого явления, очевидно, заключалась в неодинаковом экономическом развитии изучаемых районов Поволжья. Более быстрый рост производительных сил в XVII в. у мордвы Арзамасского уезда, выразившийся, в частности, в более интенсивном освоении новых земель и в процессе имущественной дифференциации, как видно, сопровождался и увеличением числа выделов из семьи как естественных, связанных с приростом населения, так и «насильственных», проводимых дворцовым ведомством.

²⁵ МНИИЯЛИЭ. Рукописный фонд, И-878, л. 275 об.

²⁶ Там же.

²⁷ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 5, д. 3552, лл. 3 об., 8, 8 об., 35, 37 об., 45, 49, 55, 61 об., 62 об., 66, 67, 70, 70 об., 80, 86, 86 об., 87, 91, 92, 94, 94 об. 95, 95 об., 97, 97 об., 98 об., 99, 100 об.

²⁸ В Арзамасском уезде с 10-х по 20-е годы XVII в. число мордовских и бортничьих дворов (жилых) возросло на 94,4% (с 590 до 1147 дворов); с 20-х по 70-е гг. число только мордовских дворов (жилых) возросло на 48,8% (с 1087 до 1617 дворов), а с учетом запустевших дворов — на 132,5% (с 1262 по 2934 дворов). В Алатырском уезде с 20-х по 70-е годы XVII в. число мордовских дворов (жилых) увеличилось на 45,4% (с 1363 до 1982 дворов) с учетом запустевших — на 45,4% (с 1565 до 2276 дворов).

Вместе с тем возникает вопрос, всегда ли выдел из семьи, сопровождавшийся образованием самостоятельного двора, свидетельствовал о распаде семьи? В этой связи интересно отметить, что у ряда мордовских дворохозяев писцы в XVII в. отметили по несколько дворов. В писцовой книге Тимофея Измайлова 1627/28 г., описавшего дворцовое мордовское население Арзамасского уезда, несколько дворов прослеживается у мордвы дер. Серякоши-Ризадеево. Так, за мордвином этой деревни, Сулдяском Тобаевым, числились два двора, в том числе один пустой²⁹. Мордвин той же деревни, Ермушка Отингеев, кроме своего двора («двор: Ермушка Отингеев з детьми, с Баженком да с Рузанком») так же, как и Сулдяско Тобаев, владел пустым двором («двор бобыльской, а тем двором владеет мордвин Ермушко Отингеев, а живет в нем русской человек Еремка») ³⁰. Несколько дворов прослеживается и у мордвина дер. Кужендеи, Чендяски Усталева, которому «по государеве цареве и великого князя Василия Ивановича всеа Руси, жалованной грамоте» был «обелен» двор: «мордвину Чендяску Усталеву в деревне Кужендеях отца его пашни тринадцать четей в поле, а в дву потому ж, да двор обелен» ³¹. Кроме этого двора, за Чендяской Усталевым числились еще два «обеленных» двора. Один — в дер. Кужендеи: «да белой двор за ним, за Чендяском, в деревне Кужендеях, а у него живет брат его, Пашутко Усталев» ³², другой — в дер. Отемасове: «двор пуст белой и бестяглой Чендяски Усталева, живет в деревне Кужендеях» ³³. Наличие в руках главы семьи нескольких дворов (что особенно ясно видно на примере семьи Чендяски Усталева) говорит о единстве семьи, несмотря на то, что те или иные ее члены могли жить в отдельных дворах.

Несовпадение понятий двора и семьи прослеживается также у дворцовой мордвы соседнего, Алатырского уезда на основе анализа бортных «знамен». Известно, что каждая мордовская семья в XVII в., как и семьи других малых народностей Поволжья, имела свой знак собственности, свое «знамя», ставившееся на принадлежавшем семье имуществе, в частности на бортных деревьях. Семья могла иметь как одно, так и несколько знамен, но семьи без своего знака собственности быть не могло ³⁴. Бортничеством мордва занималась издревле. Наступление в начале XVII в. светских и духовных феодалов на бортные угодья дворцовой мордвы Алатырского уезда еще не было столь интенсивным, чтобы полностью лишить часть населения бортных угодий, которые к тому же были разбросаны в различных промысловых районах Верхнего, Среднего и частично Нижнего Поволжья. «Книга письма и меры писцов Дмитрея Юрьевича Пушечникова да подьячего Афонася Костяева мордовских и бургасских земель 1623/24—1625/26 гг.» ³⁵ отметила у дворцовой мордвы Алатырского уезда 1363 двора. Их же другая перепись (тех же годов) бортных угодий «Книга письма и меры Дмитрея Юрьевича Пушечникова да подьячего Афонася Костяева Алатырского уезда татарским и бургасским и мордовским вотчинам бортным ухожам» ³⁶ зафиксировала у дворцовой мордвы 613 знамен (за вычетом «вторичных» знамен у ряда владельцев «вотчин»). Исходя из цифры в 613 знамен, получаем, что в среднем у дворцовой мордвы Алатырского уезда на знамя приходилось от двух до трех (с отклонением в сторону двух) дворов, что опять говорит о том, что мордовская семья в XVII в. могла состоять из жителей нескольких дворов. Как видно, в XVII в. система взимания оброка с

²⁹ Государственный архив Горьковской области, ф. 2013, оп. 1, д. 8, л. 96 об.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, л. 68.

³² Там же.

³³ Там же, л. 85.

³⁴ См., например: В. И. Майнов. Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885, с. 153, 197; В. Д. Дмитриев. История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959, с. 465

³⁵ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 5, д. 3535.

³⁶ Там же, д. 3534.

дворцовой мордвы, прослеживаемая по наказу 1619 г. и направленная на извлечение наибольших доходов из дворцовых владений, приводила к тому, что отдельные члены неразделенной семьи, жившие в различных избах, «дворах» у писцов, несли каждый самостоятельное тягло³⁷. Об устойчивости неразделенной семьи у мордвы в XVII в. свидетельствует и то, что неразделенная семья в ряде случаев сохраняла целостность даже тогда, когда не имела территориального единства. Так, разбросанность дворов одного владельца по различным поселениям в Арзамасском уезде прослеживается у вышеупомянутого мордвина дер. Кужендеи, Чендяски Усталева, имевшего два двора в дер. Кужендеи и двор в выставке (новообразованном поселении) из этой деревни — дер. Отемасове. В Алатырском уезде обращает внимание тот факт, что знамена в писцовой книге Дмитрия Пушечникова «татарским и буртасским и мордовским вотчинам бортным ухожам» не были отмечены в ряде случаев у жителей целых поселений. Как показало изучение типов этих поселений, проведенное по переписи Дмитрия Пушечникова «мордовских и буртасских земель», это были выставки. По всей видимости члены семьи, делившиеся из одного двора в силу хозяйственной необходимости, не всегда выбирали себе особые знаки собственности, что приводит к предположению о случаях сохранения целостности неразделенных семей, не имевших территориального единства и у мордвы Алатырского уезда.

Итак, на основании вышерассмотренных источников можно сделать вывод, что у мордвы-эрзи Алатырского и Арзамасского уездов в XVII в. бытовали две формы семьи: неразделенная и малая. В последней четверти XVII в. у мордвы Алатырского уезда преобладала неразделенная семья, у мордвы Арзамасского, несмотря на то, что она стремилась жить и вести хозяйство силами неразделенной семьи, — малая.

Неразделенные и малые семьи у мордовского населения изучаемых уездов в последней четверти XVII в. различались родственным составом, числом поколений, брачных пар и людностью. Неоднородность родственного состава и различие в числе людей и поколений в мордовских дворах свидетельствуют о существовании в XVII в. у дворцовой мордвы Алатырского уезда более сложных и многолюдных семей в районах новой колонизации, что, видимо, было вызвано насущными хозяйственными потребностями этих районов. Более простая структура семей, а также меньшая численность населения, в том числе и работоспособного, во дворах мордвы Арзамасского уезда указывают на то, что неразделенные семьи здесь были менее крупной родственной и хозяйственной единицей, чем у мордовского населения Алатырского уезда, что, по всей вероятности, было следствием различного экономического развития этих двух районов Поволжья, в результате того, что Арзамасский уезд значительно раньше вошел в состав более развитого в экономическом и культурном отношении Русского государства.

³⁷ «Задружное устройство» мордовского двора в XIX в. отмечал в своем этнографическом труде «Очерк юридического быта мордвы» В. Майнов. Автор писал: «По всем вероятностям, отличительным признаком старинного мордовского двора была многотягольность... уже самое устройство мордовского двора указывает на задружное устройство семьи у этого народа, так как и до сих пор еще можно зачастую встретить по три и даже по четыре избы в одной общей связи» (В. Майнов. Очерк юридического быта мордвы, с. 153).